

Вдруг дверь комнаты отворилась, и на пороге появился Никифор Иванович. Едва стряхнув снег с валенок, он почти силком повёл меня в фабрику-кухню на улице Ленинградской и там за свой счёт накормил меня... Никифор Иванович оценил мои познания так: техническая механика – хорошо, сопротивление материалов – хорошо, электрические машины – отлично, техника высоких напряжений – удовлетворительно. После окончания техникума в 1955 году Никифора Ивановича я более не видел.

Кроме механики и сопромата мы изучали «Детали машин» и выполняли курсовой проект. Мне достался расчёт лебёдки. Этот предмет вёл у нас **Сергей Николаевич Васильев**, заглазно называемый нами «Сэнэ». Запомнился он мне главным образом тем, что сильно смахивал лицом и одеждой на известного писателя Вячеслава Шишкова, автора романа «Угрюм-река». Носил «Сэнэ» такую же, как писатель, холёную бородку, выкрашенную хной. Имел розовое, в меру упитанное лицо. Одевался весьма чисто, а именно: носил костюм-тройку цвета какао с молоком и благоухал дорогим одеколоном.

Сергей Николаевич был холоден к нам, всегда недоволен нашим внешним видом (одеты мы были бедно и порой неряшливо) и частенько, вызвав к доске очередную «жертву», приговаривал: «Тебе что, пиджак-то телёнок, что ли, жевал? Ну погладил бы, что ли, лацканы-то». Или, упёршись из-под очков на нечесаный колтун на голове, тихо и ехидно замечал: «Ты бы хоть обломок расчёски завёл, что ли...» Естественно мы его не любили, а зря... Курс деталей машины был небольшой, и по истечении, кажется, одного семестра мы без печали расстались с «академиком». Мои познания Сергей Николаевич оценил на четыре («хорошо»).

Технологию металлов преподавал нам **Леонид Витальевич Ковалёв**. Это был подвижный невысокий мужчина-очкарик неопределённого возраста с остреньким носиком и реденьким светлым пушком на голове. Носил костюм стального цвета. Запомнился он мне тем, что, выражая недовольство плохим ответом, называл терзаемого: «сударь-с». После чего следовало: «два-с». Более всего запомнилась прекрасная лаборатория металловедения, где мы рассматривали структуру металлов по шлифам, а также испытания образцов по Бринеллю, Роквеллу и Шору. Сам Ковалёв относился к нам равнодушно, не излучая на нас ни добра, ни зла. Заглазно мы его называли «сударь-с». Аттестовал он меня на четыре («хорошо»).

Два важнейших спецпредмета: «Теоретические основы электротехники» (ТОЭ) и «Электронные и ионные приборы» вела у нас **Надежда Ивановна Ревенко**. Эта женщина оставила в моей душе исключительно радостные воспоминания. В первых, она была... трудно писать о женщине, к которой ты испытываешь симпатию... И во-первых, и во-вторых, и в-третьих, Надежда Ивановна Ревенко была для меня почти идеалом. В ней сочеталось всё лучшее, что только могло нравиться мужчинам. Она не была красавицей в строгом понимании этого слова. Она была больше и выше этого понятия. В то время, в самом расцвете своей женской привлекательности, была она мамой двоих детей, Тани

и Серёжи, и достойной парой своему мужу – Владимиру Аркадьевичу Ревенко. Надежда Ивановна подкупала нас тем, что от неё всегда исходили тепло и свет, не притворная, а глубинная доброта. Она, эта хорошо одетая прекрасная женщина, воспринимала нас, бедно одетых мальчишек и девчонок, как равных. Мы все любили её, мы никогда не позволяли себе ничего такого, что могло бы её рассердить, позволить разочароваться в нас. В её присутствии мы буквально становились другими. Думаю, что ей было никак не более 35–36 лет. По обоим её предметам мои скромные познания были оценены на четыре («хорошо»). Надо отметить, что дисциплина ТОЭ считалась и считается одной из самых сложных в электротехнической специальности.

И всё же самым главным человеком на отделении электрооборудования промпредприятий (ЭОПП) был **Михаил Васильевич Васильев**. На третьем и четвёртом курсах это был наш «отец родной» и, как говорят в народе, «и царь, и бог, и воинский начальник». Михаил Васильевич был заведующим отделением и вёл у нас курс «Электрооборудование предприятий», по которому мы выполняли курсовой проект. Это был колоритный мужчина, могучего телосложения, высокого роста с крупными чертами лица и голым, отшлифованным черепом правильной формы. Он имел грубоватый, но довольно приятный тембр голоса, грозный вид и необыкновенно добрую душу. Заглазно мы называли его Маяковским, так как он смахивал внешне на «величайшего поэта советской эпохи». Михаил Васильевич также оставил в моей душе самые светлые и радостные воспоминания несмотря на то, что оценил мои знания по предмету на троечку. Это был чрезвычайно загруженный человек – работага, каких ещё поискать. М. В. практически никогда не снимал чёрный сатиновый халат и тоже, как физик Швалёв, казалось, жил в лаборатории, которую сам создал, и неустанно обновлял и пополнял её. Мы с удовольствием помогали ему. У меня сохранился фотоснимок, на котором кто-то увековечил нас с другом Василием Зининым и который я несколько лет тому назад передал в музей электромеханического колледжа... Конечно же, этот грамотный инженер-электромеханик и замечательный педагог заслуживает отдельного очерка, но... Шестьдесят лет прошло, и я помню только отдельные эпизоды. Помню, например, как он из-за огромной занятости обедал тут же, в лаборантской. Обед в горшочках, заботливо закутанный полотенцами, ему частенько приносила жена. Помню, когда мы нехорошо вели себя (а такое бывало) он, не повышая своего бархатного баритона, произносил: «Вы что? Не хотите работать мастерами-электриками? Не хотите получать тысячу двести рублей в месяц? Ну тогда, знаете ли...» И этими простыми словами он (по крайней мере, меня) моментально приводил в чувство, ибо я-то знал, что в колхозе народ работает за «палочки», медсестра в больнице получает три сотни, а учитель – шестьсот.

Михаил Васильевич был заядлым охотником, и я помню, что осенью на пару-тройку дней он уезжал на охоту, а его уроки заменялись другими. Вероятно, охота служила ему разрядкой. Но, к сожалению, никаких охотничьих баек он нам не расска-

ывал. Весною 1955 года нас, без пяти минут техников, Михаил Васильевич частенько привлекал (после занятий) к работе по переоборудованию его любимой лаборатории. Встречал он нас радостно, с доброй улыбкой, говоря: «Ну вот. Друзья встречаются вновь». Нам очень нравилась эта теплота и мы, что называется засучив рукава, работали под его руководством.

После окончания техникума мне посчастливилось встретиться с Михаилом Васильевичем только через 25 лет, осенью 1980 года, во время торжеств, посвящённых 50-летию Ульяновского механического техникума. Михаил Васильевич, конечно, постарел, осунулся. И хотя он меня вряд ли помнил, мы с ним душевно поговорили о тех временах.

К великому сожалению, это была последняя встреча с нашим любимым наставником.

Г.Ф. Нестеров

Предметы «Электрические измерения» и «Электроматериаловедение» вёл у нас **Геннадий Фёдорович Нестеров**. Было ему в то время около 28–29 лет. Высшего образования на тот момент он не имел и занимал должность лаборанта на нашем отделении. Говорили, что учился заочно в пединституте. О Геннадии Фёдоровиче я могу сказать только одно: электромеханик и специалист от Бога. Светлая

голова и мастер золотые руки. Он мог делать всё. И, без преувеличения, всё оснащение нашего отделения держалось на нём. Как и его шеф, Михаил Васильевич Васильев, Геннадий Фёдорович ходил в чёрном сатиновом халате и не снимал его, по-моему, даже проводя с нами уроки. В лаборатории его вечно дымился электропаяльник, здесь же лежала кипа спецжурналов, по которым он собирал и паял радиоприёмники, радиолы и конструировал действующие наглядные пособия. Геннадий Фёдорович впервые, кажется ещё в 1954 году, демонстрировал нам диковину того времени – магнитофон «Днепр» и даже записывал на плёнку наши голоса. Я очень удивился, не узнав своего голоса. Геннадий Фёдорович был проводником всего нового, передового в области электрорадиотехники, и мы в любую свободную минуту запросто заходили к нему. Он был необыкновенно терпелив, никогда не раздражался, и поэтому нас всегда тянуло к этому человеку. Представить наше отделение без Геннадия Фёдоровича Нестерова было невозможно. Был он невысокого роста, среднего телосложения, русый, подстрижен под полубокс с чёлкой на лбу. Мне запомнилось, как летом 1954 года мы под его руководством копали ямы для опор линий электропередачи во время субботника... Геннадия Фёдоровича я также встретил через 25 лет после окончания техникума во время торжественного 50-летия техникума и в кулуарах разго-

варивал с ним. К моему немалому удивлению, он ещё помнил меня, назвал мою фамилию и фамилии ещё 2–3 моих товарищей. И даже дал мне свой домашний адрес, которым я так и не успел воспользоваться. Рассказал о том, что они с Михаилом Васильевичем в смутные времена попытались уволиться из техникума и устроиться на Володарку, но... не смогли там работать и вернулись в техникум. Видно, эта работа, несмотря на безденежье, не отпускала, как Любовь... Испытал на себе.

Геннадий Фёдорович оценил мои невеликие познания в области электроизмерительной техники электроматериаловедения на четвёрочку.

Ремонт и эксплуатацию электрооборудования, а также технику безопасности и противопожарную технику вёл у нас приглашённый специалист с Володарки – начальник центральной электростанции (ЦЭС), инженер-электрик Полищук (имя и отчество не помню). Полищук, вероятно, был белорус, так как электриков называл «алектриками», ремонт (оборудования) – «рэмонтом», слово «суп» произносил как «шуп». Подчёркивая важность электрификации вообще, говорил: «Без алектрического напряжения даже шуп на алектроплитке не падагрээшь».

Это был щупленький, невысокий белобрысый мужчина лет сорока пяти с приятным, красивым лицом и доброй улыбкой, одетый в дорогой тёмно-синего цвета бостоновый костюм. Изящность его костюма дополняли белоснежная рубашка и вишнёвого цвета галстук. Естественно, что этот «алектрик», не будучи штатным преподавателем техникума, к тому же занимая немалую должность в заводской иерархии, ничем нас особенно не утруждал.

Щедро ставил четвёрки и пятёрки, не читал нам никаких моралей, за что мы его горячо полюбили. Да и наш «социальный статус» к тому времени резко возрос: «без пяти минут техники», как ни говори. И по «рэмонту» и по технике безопасности товарищ Полищук оценил мои познания на четвёрочку.

«Экономика, организация и планирование производства». Эту дисциплину вёл у нас также приглашённый специалист с Володарки, начальник соответствующего отдела – товарищ Демиховский. Это был крупный, упитанный мужчина с розовым, гладко выбритым лицом, громко сморкавшийся в батистовый носовой платок. Как и Полищук, он был добряком, но шумливым и артистичным. Поэтому мы с удовольствием отдыхали на его уроках.

Демиховский неизменно подчёркивал преимущества социалистической экономики и хаял капиталистическую, напоминая о её эксплуататорской сущности. «Прогресс капитализма, – громко сморкаясь и багровея лицом, говорил он, – заключается в прогрессе выжимать пот из рабочего...»

Развивая тезис о беспощадной эксплуатации человека человеком, о равнодушии к здоровью рабочего, о высоком уровне травматизма при потогонной системе капиталистического труда, Демиховский поведал нам о том, что в Америке в каждом цехе висит огромный плакат с надписью: «Рабочий! Помни, что Бог, создавая человека, не создал ему запчастей». «Вот и вся техника безопасности, – резюмировал он, – вот и вся забота о здоровье трудящихся...» Видимо, при ответах я так старательно

хаял капиталистический способ производства, что Демиховский оценил мои поверхностные познания на пятёрку.

«Учёт и калькуляция». Эту дисциплину вела у нас также приглашённая с Володарки молодая, очень красивая, с острым носиком женщина, фигуристая, с полноватыми впечатляющими ножками. Поговаривали, что она окончила ленинградский вуз. На эту дисциплину отводилось очень мало часов, и мы её не любили. Зато любили преподавательницу. Мой дружок – Венка Евдокимов, сам видный парень, заглазно называл её «синичка». Как жаль, что я не запомнил её имени. «Синичка» была к нам добра и ласкова. Мы ей отвечали тем же. И хотя, залюбовавшись её статью, я частенько отвечал невпопад, она в итоге выставила мне пятёрку.

«Допризывная (военная) подготовка». Этот интересный предмет вёл у нас фронтовик – участник Великой Отечественной, бывший командир стрелковой роты «на передке», лейтенант запаса **Валентин Сергеевич Смирнов**. Это был прирождённый военный, что называется «военная косточка», уволенный из армии из-за тяжелейших ранений. Стройный, подтянутый, невысокий и ловкий, он носил полувоенный тёмно-синий френч с отложным воротничком и такого же цвета галифе, заправленные в хромовые офицерские сапожки. Валентин Сергеевич оборудовал отличный военный кабинет, где всё кричало об армии: плакаты, портреты, наглядные пособия, таблицы, схемы и т. д.

На строевых занятиях он ловко поворачивался, красиво козырял, делал «подходы и отходы», пытался научить этому нас. Рассказывая о драматических предвоенных днях в Белостоке, где и встретил войну. В военном кабинете мы – пацаны – выучили по плакатам все воинские звания от рядового до маршала и даже держали в руках боевые винтовки с просверлённой казённой частью. Винтовки были тяжёлые, а мы маленькие, и поэтому у нас мало что получалось. Валентин Сергеевич держал тесную связь с заводским РВК, где я проходил приписку. В техникум часто приходил старший лейтенант Щербаков, служивший в военкомате. Изредка посещая уроки военной подготовки, Щербаков напрягал нас, так как мы побаивались постороннего человека и путались в ответах. Военным комиссаром, как мне помнится, был в то время подполковник Курушин, носивший почему-то узенькие погоны, какие носили в то время военные врачи. По военной подготовке в «выписке» моей значится: «Установленные программой требования выполнены».

На этом теоретический курс обучения в техникуме закончился, но в процессе его и по окончании мы проходили практики.

Учебные практики мы проходили в мастерских, располагавшихся на территории машиностроительного завода имени Володарского, называемого в народе Володарка, а старшим поколением – патронный. Заведующим учебными мастерскими был Бородин – красавец мужчина, которому нужно было бы сниматься в кино в роли героев-любовников. Жена его – худощавая, скромная, с огромными цыганскими глазами, работала секретарём учебной части. Слесарную практику вёл у нас пожилой ма-

стер Расторгуев, много сделавший для нас и научивший нас, пацанов, не бояться металла...

Токарную вёл мастер Полковников, который так же, как и Расторгуев, вложил в своих учеников много труда, терпения и нервов. Низко кланяюсь им.

Территорией для производственной практики служили цеха завода, и руководили ею заводские специалисты. Запомнились отдельные эпизоды: в одном из цехов изготавливали асинхронные электродвигатели. Мы наблюдали весь технологический процесс до сборки электродвигателя и его испытания. Помню, как меня прикрепили к женщине-обмотчице. Она хотела научить меня этому тонкому делу, но из-за краткости моего пребывания в качестве её ученика этого не случилось. В другом цехе пожилой мастер-электрик научил меня наимужнейшим электромонтёрским хитростям, которые оченьгодились в дальнейшем и на которых я невзначай заработал немалый авторитет среди подчинённых электриков на механическом заводе в г. Юрюзани. В электроцехе Володарки электромонтажники научили меня работать электродрелью, что было нелегко: дрель того времени была тяжёлая, а ручки мои слабоватые. Здесь изготавливали распределительный электрощит из уголков и листового железа, как оказалось, для Барышско-Слободской гидроэлектростанции, находящейся в моём родном селе!

На этом распределите я и тренировался в сверлении отверстий, сломав не одно сверло. И, конечно, не думал, что есть целая программа помощи колхозам, а своих наставников встретил в родном селе месяц-полтора спустя, будучи на летних каникулах. Из этих специалистов запомнился только бригадир Мыльников...

С технологией изготовления радиодинамиков нас познакомили в цехе №14, расположенном на самом краю заводской территории. Вдоль забора, окупанного «колючкой», были высажены клёны, разросшиеся в небольшую рощу, в которой мы частенько отдыхали. В цехе работали одни женщины, царили чистота и уют, радовала, лаская слух, приятная музыка. Трансляция музыки являлась частью техпроцесса, а отнюдь не развлечением. Таким образом испытывали готовые динамики. Никаких полезных навыков мы здесь не получили, только узнали, что динамик состоит из звуковой катушки, трансформатора, диффузора и корпуса. Аппарат простейший.

Преддипломная практика прошла для меня (да и не только) бесследно. Она не соответствовала теме моего дипломного проекта и лично мне ничего не дала, кроме потери времени.

Запомнилось краткое знакомство с электрооборудованием завода: под строжайшим надзором нас однажды «провели» по «высокой стороне» 6 киловольт и разрешили издали посмотреть на баковые масляные выключатели.

Из электриков-высоковольтников запомнился только долговязый еврей Кисельгоф, над которым всегда подтрунивали не евреи, удивляясь тому, что он вместе с ними ходит в телогрейке, носит тяжёлую сумку с примитивным инструментом, а не скрипку в футляре.